

Чу Бинхуань по своему уровню совершенствования был равен ему, и одолеть его оказалось крайне сложно.

Хуа Чэ пребывал в унынии, когда услышал, как ученик Помоста Шанцин объявил:

— Долина Крика Феникса. Господин долины Му Цинянь ведет за собой триста семьдесят восемь учеников, входят.

Величественная процессия учеников Долины Крика Феникса вошла, и Мужун Са мгновенно спрятался за спину Линь Яня, не решаясь выглянуть.

Му Цинянь сначала поприветствовал своих коллег, а затем, заметив собственного сына, напрягся и сурово взглянул на него. К счастью, он не стал отчитывать Мужун Са при всех, сохранив лицо.

Мужун Са с облегчением выдохнул:

— Слава небесам.

Ученик Шанцин снова объявил:

— Юньтянь Шуйцзин. Глава секты Чу Чанфэн ведет за собой тысячу семьдесят девять учеников, входят.

Чу Бинхуань инстинктивно обратил внимание и, когда Чу Чанфэн приблизился, вышел вперед и почтительно поклонился:

— Дядя.

Затем он посмотрел на Мэй Цайлянь, следующую за Чу Чанфэном:

— Мать.

Мэй Цайлянь сохраняла холодное выражение лица и не ответила.

Чу Чанфэн же выглядел гораздо более добродушным, внешне ему было чуть больше тридцати, он был молод, красив и излучал благородство.

Чу Чанфэн поднял Чу Бинхуаня и с улыбкой произнес несколько теплых слов.

Мэй Цайлянь, глядя на группу из Чертога Линсяо, с холодной усмешкой бросила презрительный взгляд на Хуа Чэ.

Хуа Чэ почувствовал этот взгляд и ответил ей вежливой, но холодной улыбкой.

Мэй Цайлянь восприняла это как вызов, и уголки ее губ дрогнули.

— Обитель Ночной Тени. Глава секты Се Ваньтин ведет за собой девятьсот двадцать три ученика, входят.

Изначально разговаривавшие между собой последователи Пути Бессмертных внезапно замолчали и, как по команде, обернулись, чтобы посмотреть на группу из Обители Ночной Тени.

В отличие от Юньтянь Шуйцзин и Долины Крика Феникса, Обитель Ночной Тени всегда была скромна в мире культивации, а ее глава Се Ваньтин не вмешивался в мирские дела, живя в уединении и редко появляясь на публике, поэтому его лицо было мало кому знакомо.

Ходили слухи, что он был человеком мягким, спокойным и мудрым, каждое его движение излучало благородство.

Многие культиваторы видели его впервые и убедились, что его репутация не была преувеличена. Он был одет в длинный халат цвета морской волны, на котором серебряными нитями были вышиты изысканные цветы. Его черты лица были словно нарисованы, а речь была изысканной, вызывая ощущение тепла.

В отличие от других сект, где преобладали мужчины, в Обители Ночной Тени было множество женщин, и все они были музыкальными культиваторами. Мужчины были изящны и благородны, а женщины — очаровательны и соблазнительны. Вместе они представляли собой живописное зрелище, и неудивительно, что они привлекали внимание везде, где появлялись.

Исторические записи гласили, что Секта Шанцин была горда и благородна, Юньтянь Шуйцзин — холодна и отстраненна, Долина Крика Феникса — сильна и свободна, а Обитель Ночной Тени — мягка и утонченна.

Это было совершенное описание атмосферы четырех великих сект.

Старейшина Цяньян вдалеке обсуждал дела с другими старейшинами, а представители различных сект продолжали прибывать. Многие знакомые культиваторы собирались вместе, чтобы вспомнить прошлое.

Чжуан Тянь ожидал, что Чертог Линсяо окажется в изоляции, но, к его удивлению, к нему подошли с приветствием.

Вероятно, слухи о Долине Ясной Луны распространились быстро, и все знали, что Чертог Линсяо принял талантливого ученика, что, возможно, стало поворотным моментом для секты.

После встречи с Чу Чанфэном Му Цинянь тут же оттащил Мужун Са в сторону и начал его отчитывать, словно обрушивая на него град упреков:

— Ах ты, негодник! Крылья выросли! Ушел в Чертог Линсяо, не сказав отцу ни слова, даже на Новый год не пришел домой! Ты вообще помнишь, что у тебя есть отец? Если ты не сможешь добиться успеха, даже не называй себя моим сыном, мне стыдно за тебя!

Мужун Са, конечно, не молчал.

— Господин Чжуан, приятно познакомиться, надеюсь на ваше руководство, — с благородством произнес Се Ваньтин.

В отличие от других, он не стал говорить пустых слов о «давней известности», что вызвало у Чжуан Тяня симпатию.

Хуа Чэ тоже произвел на него хорошее впечатление, и, как раз когда он об этом думал, Се Ваньтин обратился к нему.

— Хуа Чэ, иди сюда, — с нетерпением позвал Чжуан Тянь, желая похвастаться своим учеником.

Хуа Чэ подошел и почтительно поклонился:

— Господин Се, я Хуа Чэ, Хуа Цинкун.

Эти слова вызвали мгновенную реакцию среди окружающих культиваторов.

— Это Хуа Цинкун?

— Тот самый, кто убил ученика левого защитника Чертога Сжигающего Чувств?

— Не ожидал, что он так молод.

— Всего лишь мальчишка, но, видно, не простой. У него большое будущее.

Се Ваньтин, глядя на Хуа Чэ, на мгновение замер, пораженный его внешностью и скромным характером:

— Слышал, что ты музыкальный культиватор?

Хуа Чэ почтительно ответил:

— Да.

— На каком инструменте играешь?

Хуа Чэ опустил глаза:

— На бамбуковой флейте.

Се Ваньтин мягко улынулся:

— Я играю на семиструнной цитре. Хотя инструменты разные, музыка едина. Если у тебя будут вопросы, и господин Чжуан не против, ты можешь обратиться ко мне.

Чжуан Тянь, желая добра своему ученику, сразу же подтолкнул Хуа Чэ:

— Ну же, поблагодари господина.

Вскоре появился самый уважаемый человек на Пути Бессмертных, и шумный Помост Шанцин мгновенно затих. Все замерли, смотря на Лу Минфэна, вышедшего из Чертога Шанцин.

Сердце Хуа Чэ забилося чаще.

Лу Минфэн был одет в темно-синий парчовый халат, его седые волосы были высоко убраны в нефритовую корону. Он был величественен, излучал героический дух, левая рука была за спиной, а в правой он держал меч Шанцин, передаваемый из поколения в поколение главами секты. Он стоял, встречая ветер, и даже без слов внушал уважение.

Совершенно случайно Хуа Чэ оказался на том же месте, где впервые увидел Лу Минфэна в прошлой жизни.

Юноша, только начинающий свой путь, увидел человека, которого все восхваляли как величайшего в мире, и был поражен его величием.

На Турнире Десяти Тысяч Сект Лу Минфэн, рискуя своей репутацией, поручился за него, и Хуа Чэ был глубоко тронут, запомнив каждое слово наставника.

До тех пор, пока эти слова, которые он так ценил, не превратились в яд, разъедающий его душу.

Хуа Чэ почувствовал боль в груди и инстинктивно схватился за сердце.

— Что случилось? — мягко спросил Чу Бинхуань.

Хуа Чэ слегка покачал головой, не желая смотреть вперед.

Вдохновенная вступительная речь длилась полчаса, и, наконец, в сумерках подготовка к

Царству иллюзий завершилась, и десятки тысяч культиваторов начали входить.

Перед глазами Хуа Чэ мелькали свет и тени. Он несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться.

Жадность, гнев, заблуждение, гордость, сомнение — пять ядов сердца. Царство иллюзий менялось бесконечно, но в основе всегда лежали эти пять элементов. Если избавиться от них, можно достичь просветления и вознестись.

Хуа Чэ помнил свой первый вход в Царство иллюзий Шанцин. Это было в конце испытаний для новых учеников, и содержание было простым — множество красивых женщин окружали его, соблазняя и предлагая себя.

Хуа Чэ не был любителем женщин, к тому же он вырос в квартале красных фонарей, поэтому подобные сцены ему давно наскучили. Он быстро справился с иллюзией и первым вышел из нее.

Во второй раз он вошел в Царство иллюзий на Турнире Десяти Тысяч Сект.

Он увидел Хуа Мэйэр, и, тоскуя по матери, он ненавидел отца, который бросил их.

В третий раз, также на Турнире, он увидел горы золота и серебра, несметные богатства и славу, окруженный поклонением тысяч людей. Нечто, называющее себя высшим божеством, предложило исполнить его желание.

В четвертый раз, снова на Турнире, он встретил Чу Бинхуаня.

Царство иллюзий рождается из мыслей, и Хуа Чэ отпустил свою одержимость Чу Бинхуанем, поэтому был уверен, что на этот раз его не увидит.

Хуа Чэ шел вперед, и его взору открылось пространство.

Свет был ослепительным, а вокруг царил шум, множество людей указывали на него, громко выкрикивая обвинения.

Внезапно перед ним появилась фигура:

— Мой ученик, я знаю его. Он никогда не пойдет по пути демонов и не станет союзником Инь Ухуэя! Хуа Чэ различает добро и зло, я ручаюсь за него своей жизнью!

Хуа Чэ был в ужасе!

Он вернулся в прошлую жизнь?

Нет, это Царство иллюзий!

Хуа Чэ смотрел на Лу Минфэна, не веря своим глазам, его тело не слушалось.

Как и в воспоминаниях, он, со слезами на глазах, произнес:

— Наставник.

— Господин Лу, не будьте слишком мягки, защищая этого демона!

Лу Минфэн закрыл глаза и холодно произнес:

— Я верю ему.

После такой защиты окружающие не смели больше говорить.

Инь Ухуэй, находящийся сверху, громко рассмеялся:

— Какая трогательная сцена учителя и ученика, просто тошнота! Хуа Чэ, ты действительно не пойдешь со мной?

Хуа Чэ почувствовал тошноту, лишь взглянув на лицо Инь Ухуэя, и услышал, как он сам говорит:

— Я ученик Шанцин, и я никогда не объединюсь с Чертогом Сжигающим Чувства!

Инь Ухуэй усмехнулся:

— Запомни свои слова. Ты мой сын, и, объединяясь с этими лицемерными последователями Пути Бессмертных, ты пожалеешь об этом.

Инь Ухуэй ушел, и представители различных сект последовали за ним.

<http://bllate.org/book/15412/1362949>